УДК 159.964.26 + 34.01

Ю. Ю. Ковалев
А. В. Степанов
А. С. Бурнасов

КОНЦЕПЦИЯ БИОФИЛИИ Э. ФРОММА И ПЕРСПЕКТИВЫ КОЭВОЛЮЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В статье анализируются особенности становления и развития концепции биофилии Э. Фромма. Обозначена актуальность концепции в современных социально-политических и экологических условиях. Показана взаимосвязь общественного характера населения с социально-экономическими, политическими и природными структурами территорий. Характеризуются модели «зеленой экономики» в отдельных странах и их псевдоэкологичность. Исследуются альтернативные социальные практики, способствующие устойчивому развитию регионов. Делается вывод о необходимости изменения доминирующего общественного характера населения в целях коэволюции территориальных систем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: биофилия, социальный характер, коэволюция, территориальные системы, потребление, материально-энергетический метаболизм.

Современная динамика территориальных (региональных) систем демонстрирует крайне неравновесный, неустойчивый характер их развития. Глобальные экологические проблемы, политические конфликты, социальное, экономическое неравенство, угроза применения ядерного оружия не только не были устранены в мире за последние десятилетия, но даже приобрели новый, еще не виданный в истории масштаб и остроту. Продолжающая война в Сирии, украинский кризис, экономические санкции и региональные торговые войны, терроризм, иррациональные политические решения администрации США, не способствующие стабилизации международных отношений, защите климата планеты и решению глобальных проблем, ставят вопросы о глубинных факторах, определяющих современную направленность политических, экономических, социальных действий как отдельных индивидуумов, так и социальных организаций различного уровня. В концепции общественного характера населения и его базовых ориентаций

© Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В., Бурнасов А. С., 2019

Э. Фромма предлагается свое объяснение современной глобальной социальной онтологии, а также показываются возможные пути решения проблем неустойчивости территориальных систем.

Взаимосвязь психологических и социальных структур, их влияние на особенности политического, социально-экономического развития обществ (территорий) находит свое отражение в трудах исследователей различных научных дисциплин: социологии (М. Вебер, В. Зомбарт), философии (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), антропологии (М. Мид, Р. Бенедикт), психологии (З. Фрейд, В. Райх). Однако наибольший вклад в изучение взаимодействия и взаимовлияния социально-экономических и психологических факторов, развитие теории общественного характера населения, исследование его базовых ориентаций внес американский социальный психолог и философ, психоаналитик Э. Фромм. Как представитель неофрейдианства, Э. Фромм видел в характере человека продукт взаимодействий человеческих страстей и внешнего социального окружения. Психическая энергия человека подвержена мощному давлению общественных структур. Благодаря этому характер людей более-менее унифицируется, и таким образом формируется общественный характер территории. Под ним Э. Фромм понимал «ядро структуры характера большинства членов одной общественной группы» [21, *59*]. Исследователь выделял продуктивную и непродуктивную ориентацию общественного характера населения. Каждый тип характера наделен специфическими чертами. Главным признаком продуктивного характера является биофилия — любовь к людям и природе, жизненность [17].

Концепция биофилии приобрела особую актуальность в работах Э. Фромма в начале 1960-х гг. — в период чрезвычайной напряженности в отношениях между США и СССР, угрозы ядерного конфликта. Кубинский кризис, политическая ситуация в Германии обострили до предела взаимные упреки и претензии двух стран. Обеспокоенный внешнеполитическими событиями, Э. Фромм задавался вопросом о причинах пассивности масс перед лицом, казалось бы, неминуемой катастрофы, их поддержки гонки вооружений, локальных войн, политических решений, ведущих к возрастанию напряженности в мире. Именно отсутствие биофилии в персональном характере большинства людей являлось, по Э. Фромму, главным фактором человеческой деструктивности, равнодушия к страданиям других людей, политической пассивности, аполитичности. Внутренние иррациональные страсти и духовное бессилие отдельного человека в обществе, его отчужденность создают фундамент для социальной агрессии. Одновременно Э. Фромм указывает на прямую взаимосвязь базисной ориентации характера человека (биофилия/некрофилия) с социально-политическим полем, в котором он формируется, с уровнем развития технологий, общественных отношений. Индустриальная цивилизация порождает отчуждение и отчужденных людей, приносящих свою жизнь в жертву технологическому прогрессу, государству, материальному благополучию и мнимому комфорту. Экономизация (овеществление) сознания, формирование рыночного социального характера разрушают биологически укорененные в человеке биофильные черты, делают его живым полуавтоматом. Противоположность биофилии, некрофилия, обожествляет технику

и видит в других людях, природе, обществе лишь средства для овеществления окружающей среды, превращения всего живого в предметы, вещи, предметы купли-продажи, включая самого человека и его человеческие качества [6, *459*]. По мысли Фромма, по мере развития технологической цивилизации в обществе все более возрастают некрофильные тенденции: в нем все меньше любви к живому, культура вещей выдавливает культуру жизни [14, *630*].

На сегодняшний день данное высказывание Э. Фромма находит свое подтверждение. По данным проведенного недавно социологического опроса в Германии, 67 % опрошенных считают, что немецкое общество в последние годы стало более потребительским, эгоистичным, менее толерантным [23]. Рост популизма, «правого сектора», ксенофобии, неофашизма — политические реалии современной Европы. Налицо также повсеместная прогрессирующая милитаризация стран мира. В августе 2018 г. в богатейшем государстве мира, США, принимается самый большой за всю историю их существования военный бюджет в размере 716 млрд долл. (закон Маккейна), пропагандируются милитаризация космического пространства, превращение космоса еще в одно «поле битвы, какими уже являются небо, моря и суша» (согласно Д. Трампу — сферы смерти и разрушения) [31]. В то же время численность наркозависимых в данной стране также достигла своего исторического апогея, количество самоубийств в 2017 г. на 25 % превышало показатели 2000 г. Депрессии, глубокие психические расстройства населения США, по мнению американской журналистки К. Пауэрс, есть следствия доминирования *потребительской культуры*, пронизывающей современное американское общество [30]. Материальное потребление, духовная пустота, милитаризация, социальная агрессия — все эти явления тесно связаны между собой и отражают доминирующий в мире непродуктивный общественный характер населения.

Изменение современной социальной, политической, экономической и экологической ситуации в мире возможно лишь на основе трансформации отношений человека со своим социальным, природным окружением. Концепция биофилии Э. Фромма показывает, что ключ к решению многих проблем находится в осознании собственной жизненной ситуации и внутреннего мира каждого отдельного человека, в осознании его ответственности за свою жизнь и одновременно за общество, в котором он живет, за чистоту воздуха и воды, за жизнь растений и животных, то есть за свое природное и социальное окружение. Понимание этого открывает новые пути эволюции общества и природы. Австралийский исследователь Тим Фланнери (T. Flannery) подчеркивает, что концепция биофилии «дает не только эволюционное объяснение природы и общества, но и указывает на новое единство среди людей, между человеком и Геей (Землей). Биофилия — наш единственный шанс уцелеть в будущем, в котором благополучие человека и природы неразрывно связаны между собой» [9, *131*]. Биофильная этика лежит в основе нового гуманизма, сформулированного Э. Фроммом. Он выступает за формирование такого общества, в котором любовь к жизни и реализация творческой сути каждого отдельного человека имеют больший приоритет, чем силы подавления, конформизма и деструктивности [10, *39*]. Исследование особенностей становления концепции биофилии в работах Э. Фромма, возможности ее имплементации

в территориальном (региональном) развитии для достижения устойчивости и коэволюции территориальных систем является целью данной статьи.

Биофилия и биофильная этика Э. Фромма

Биофилия (любовь к жизни, жизненному, жизненность) и ее противоположность, некрофилия (любовь, тяготение к мертвому, неживому), — одна из центральных тем научного творчества Э. Фромма. Уже в его докторской диссертации «Еврейский закон», написанной в 1922 г. под руководством А. Вебера в Гейдельбергском университете, проявляется его интерес к различным практикам еврейской диаспоры по сохранению своих религиозных традиций и убеждений в различном культурном, социальном, политическом окружении. Э. Фромм в этом исследовании показывает трансформацию отдельных элементов культурных практик, адаптационных реакций общины в изменяющихся внешних условиях. На примере консервативного (караимизм), реформистского (западноевропейского, капиталистического) и восточноевропейского (хасидизм) иудаизма он демонстрирует различные пути сохранения основ религии и диаспоры, подчеркивая их различия в жизненных, религиозных практиках отношения к миру и окружению. В тексте диссертации ощущается симпатия Э. Фромма к хасидизму, особенно к его «любавическому» направлению (это было обусловлено влиянием духовного наставника Э. Фромма, выходца из России С. Рабинкова, и российскими корнями его матери) [10, *57*]. Отмечая в диссертации творческий, жизнеутверждающий, гармоничный характер хасидизма, в котором общественная жизнь и религиозные практики представляют собой естественный симбиоз, Э. Фромм противопоставляет его коллективным практикам консервативного и реформистского иудаизма, в которых психологическая и социальная жизнь общины разорваны [12, *119*]. В диссертации автор показывает факторы формирования «коллективной души» еврейской общины как нексуса внешних (социальных) и внутренних (психологических) процессов. В дальнейшем понятие «коллективная душа» эволюционировало под воздействием трудов З. Фрейда и К. Маркса в концепцию общественного характера населения.

«Погружение» в социально-психологический космос хасидизма оказало огромное влияние на мировоззрение Э. Фромма. Как отмечает биограф Э. Фромма американский исследователь Л. Д. Фридман, «дух радости жизни и праздника, который имеет в хасидизме ценность, стал стимулом для Э. Фромма с того момента вести наполненную внутренним смыслом и радостью жизнь, в том числе и перед лицом тоталитаризма, бюрократизации и опасности атомной войны» [10, *56*].

Изначальная дихотомия в исследовательской культуре Э. Фромма, получившая свой первоначальный импульс в его докторской диссертации, — выделение и изучение антагонистских социально-психологических структур (продуктивный/непродуктивный, быть/иметь) — продолжалась всю его жизнь. Это относится также к бинарной оппозиции понятий «биофилия» и «некрофилия» как базовой ориентации индивидуального и общественного характера населения. На протяжении

более 40 лет Э. Фромм изучал особенности общественного (социального) характера. В своих главных работах «Бегство от Свободы», «Психоанализ и этика. Фундамент гуманистической этики» (1947), «Душа человека. Ее способность к добру и злу» (1964), «Иметь или быть» (1976), а также во множестве журнальных публикаций и интервью Э. Фромм формирует, уточняет и совершенствует концепцию общественного (социального) характера, его главных типов и базовых ориентацией. Под ним Э. Фромм понимал «ядро структуры характера, который имеют большинство членов одной и той же культуры, в отличие от индивидуального характера, в котором различаются люди одной и той же культуры. Речь идет не о статическом понятии общественного характера как суммы черт характеров, которые можно найти у большинства людей одной и той же культуры. Речь идет о функции общественного характера» [21, *59*].

Э. Фромм говорит, что главная функция общественного характера состоит в ассимиляции, социализации и управлении энергетическими процессами человека, чтобы поведение людей не зависело от осознанного решения и чтобы они действовали так, как они должны действовать (поступать) с точки зрения общества. «Другими словами, функция общественного характера состоит в том, чтобы так формировать и канализировать человеческую энергию, чтобы общество и дальше могло бесперебойно функционировать» [Там же, *60*]. Одновременно общественный характер оказывает воздействие на социально-экономическую структуру общества: «Как правило, он воздействует как цемент, который придает социальному порядку дополнительную стабильность; но при определенных условиях он дает взрывчатое вещество для его слома» [20, *364*]. В индустриальном обществе энергия человека направлена на выполнение отчужденного в большинстве случаев труда и на такое же отчужденное удовлетворение своих потребностей [21, *95*]. В нем (так же как и в постиндустриальном), несмотря на рекордную производительность труда, доминирует непродуктивный общественный характер производства. Его непродуктивность заключается в неосознанности собственных желаний, своего внутреннего мира, в «механической» жизни людей-полуавтоматов, живущих по одному сценарию.

По Э. Фромму, индустриальное общество представляет собой в целом такую гигантскую мегамашину [13, *573*]. «Бюрократически-индустриальная цивилизация создала “homo consumens”, “homo mechanicus”. Короче говоря, интеллектуализация, квантификация, абстрагирование, бюрократизация и овеществление, то есть отличительные признаки индустриального общества, — механические принципы (не принципы жизни), если их применять на людях, а не на вещах. Люди, которые живут в такой системе, равнодушны к жизни и *чувствуют тягу к мертвому* (курсив наш. — *Ю. К., А. С., А. Б.)*. Они этого не замечают. Они путают возбуждение с радостью жизни и живут иллюзиями, что они ведут живой образ жизни, если владеют многими вещами и пользуются ими» [19, *195*]. Притяжение к мертвому, механическому Э. Фромм сформулировал термином «некрофилия» и обозначил его как главную черту регрессивной жизненной ориентацией человека [17]. Типичными признаками некрофилии, по Э. Фромму, следует считать стремление к власти, любовь ко всему механическому, желание сильного регулирования

жизненных процессов, ориентация на деньги, накопление, владение вещами, собственность, закон и порядок [19, *182*].

Биофилия есть любовь ко всему живущему — природе и человеку [Там же, *185*]. Ее отличительными чертами являются притяжение к живому, творчество, созидание материальных вещей, чувств, мыслей, рост и развитие. Биофилия — это также наполненная смыслом, активная, сознательная жизнь отдельно взятого человека, жизнь как цель, а не как средство для достижения каких-то целей [16, *346*]. Э. Фромм сравнивает жизнь человека с биофильной ориентацией характера, с живой субстанцией: «...живущая субстанция имеет тенденцию к интеграции и объединению; она стремится к тому, чтобы соединить противоположные и другие по роду сущности и расти согласно своей структуре. Объединения и интегрированный рост характерны для всех жизненных процессов. Это касается не только клеток, но также чувств и мыслей. Соединение, рождение и рост есть жизненный цикл. Цикл смерти — прекращение роста, дезинтеграция и упадок» [19, *185*].

Теорию некрофилии и биофилии Э. Фромм выводит из теории инстинкта жизни и смерти З. Фрейда («По ту сторону принципа удовольствия»). По З. Фрейду, инстинкты присутствуют в каждом человеке, они константны. Поэтому жизнь человека представляет собой «поле битвы» между двумя этими инстинктами (Эрос и Танатос). По Э. Фромму, инстинкт смерти не связан с биологией, он принадлежит психопатологии. Согласно этому инстинкт жизни представляет собой первичное начало (потенциал) в человеке, инстинкт смерти — ее вторичный потенциал. Первичный потенциал развивается, когда имеются соответствующие жизненные условия, так же как семя растения произрастает при соответствующей влажности, температуре и т. д. Если нет таких условий, тогда проявляется некрофильная часть в человеке и достигается господство над ним [Там же, *189*].

В многочисленных своих работах Э. Фромм подчеркивает, что представленные им «чистые» типы биофильного и некрофильного характера практически не встречаются в обществе. Чисто некрофильный человек — душевнобольной человек, чисто биофильный человек — святой [19]. Большинство людей — *индивидуально выраженная смесь некрофильного и биофильного ориентирования. Суть заключается в том, какая из двух тенденций доминирует!* «У тех людей, у которых некрофильная ориентация доминирует, постепенно исчезает своя биофильная часть. В большинстве случаев их тяга к смерти бессознательна. Она ожесточает их сердца, они ведут себя так, что их любовь к смерти представляет собой логическую и разумную реакцию на их события в жизни. Напротив, ужасаются те, в которых биофильная часть доминирует, когда они видят, как близко они стоят к долине мертвых теней, и этот страх может пробудить их к новой жизни. Поэтому очень важно, что человек не только узнает, насколько сильна некрофильная часть в человеке, но и насколько он осознает ее» [Там же, *187*].

Для утверждения биофильной ориентации общественного характера населения необходимо создание определенных материальных и духовных условий жизни индивидуума. Важнейшее условие формирования общественной биофилии — воспитание у ребенка чувств любви к жизни. Для этого нужно родителям просто самим любить жизнь: «любовь к живому так же заразительна, как

и любовь к мертвому. Она больше проявляется в жестах, чем в идеях, больше в тоне голоса, чем в словах» [Там же, *190*]. Это теплый, полный любви контакт ребенка с другими людьми, свобода и отсутствие угроз; вразумление о принципах, которые ведут к гармонии и силе, введение в «искусство жизни» посредством коммуникации, обмена с другими людьми и создание увлекательной, интересной жизни. Противоположные условия существования человека стимулируют развитие некрофилии.

Наряду с психологическими факторами существования ближайшего окружения человека для развития его биофильной ориентации необходимо изменение социальных условий и структур. Э. Фромм подчеркивает важнейшие для этого признаки: устранение социального неравенства, создание более справедливых социальных условий, материальная безопасность всех членов общества, свобода и независимость (каждый имеет возможность стать активным и ответственным членом общества), дебюрократизация, децентрализация, демократизация всех сфер жизни человека, чтобы человек имел возможность влиять на политический процесс. Как отмечает Э. Фромм, «...мы используем природную энергию, человеческая энергия подавляется, ей нет выражения. Для меня задача будущего состоит не только в том, чтобы освободить физическую энергию человека, но и посмотреть внутрь самих себя с размышлениями о том, какие нужны нам институты, чтобы стимулировать личные и общественные изменения, которые будут способствовать освобождению человеческой энергии, для того чтобы сделать их полезными в жизненных процессах общества» [18, *266*]. Человеческая энергия должна иметь выход. Творчество, созидание нового (инноваций) представляют, по Э. Фромму, внутреннюю потребность человека. Если эта потребность не удовлетворяется, то человек становится деструктивным. Но творчество, созидание предполагают любовь к тому, что человек созидает, поэтому биофилия и творчество, жизненная активность — понятия, неразрывно связанные между собой. Любовь к жизни получает у автора форму персональной и общественной этики, которую он называет гуманистической религией и которую он ставит в центр здорового общества [21]. Имплементация такой этики в социальные структуры территориальных систем создает базис для коэволюции человека и природы, которая и должна стать главной целью общественного (социального) развития [5, *81*].

Территориальные системы: структура, процессы, динамика

В российской научной литературе изучение территорий в категориях системы началось на рубеже XIX и XX вв., однако лишь в редких случаях они рассматривались исследователями как единство социального и природного. В каждом из направлений географических исследований были свои системы: природные, производственные, культурные, туристические и т. д. До сих пор, по мнению Ю. Н. Гладкого, мало кто из исследователей осмеливается в понятие «гео- (территориальная) система» внести социальный или духовный элемент [1, *251*]. Сегодня синтез природы и общества как никогда актуален. Лишь понимание процессов взаимодействий между и внутри территориальных систем, между субсистемами

территорий может способствовать коэволюции, сбалансированному, устойчивому развитию территорий, а значит, и всей нашей планеты.

По определению В. М. Котлякова и А. И. Комаровой, территориальные системы представляют собой «пространственную близость взаимосвязанных элементов окружающей среды и общества, взаимодействующих на определенной территории» [4]. По нашему мнению, это не только близость, но прежде всего единство тесно взаимосвязанных многообразных абиотических, биотических и социальных компонентов, взаимодействующих по энергетическим, материальным, информационным линиям в открытых пространственных единицах. С точки зрения социально-экологической концепции территориальная система — это единственная из всех известных в универсуме систем (за исключением тела человека), в которую интегрированы природная (материальная) субстанция и коллективное сознание людей (культура). Между природой и социальными системами существует тесная связь, обусловленная тесной переплетенностью энергетических, вещественных и информационных потоков. Как отмечает в своей работе французский исследователь Э. Лоурант, взаимозависимость между ними настолько высока, что «природные системы территории есть отражение социальных систем, определяемых уровнем развития знаний, техники, ценностей, социальной организацией. Одновременно социальные системы есть зеркальное отражение природных систем, определяемых через видовое разнообразие, производительность, пространственную дифференциацию и т. д. Между природными и социальными системами существует не только взаимосвязь, но и настоящая синергетика» [27, *53*]. Задача человека заключается в том, чтобы не только согласовать и гармонизировать развитие (коэволюцию) природных и социальных систем, но и сделать так, чтобы развитие природных систем происходило в нужном для человечества эволюционном канале [5].

Территориальные системы могут быть различными по размеру, охватывать весь мир (глобальная система) или ограничиваться небольшим пространством (локальный уровень). Каждая территориальная система представляет собой совокупность взаимодействующих подсистем, которые образуют как бы пространственный «клубок» сетевого обмена информацией, вещества и энергии. При изменении одних систем территорий происходят изменения и в других, которые, в свою очередь, влияют по принципу обратной связи на первые. Так, особенности хозяйственной деятельности человека, оказывают сильнейшее влияние на природные компоненты, но и изменения природных факторов (климата, например) влекут за собой трансформацию экономической, политической и социальной сферы. Особенно это проявляется в критические периоды (засухи, наводнения, ураганы), в которые может произойти разрушение структур всей общественной системы (например, при урагане «Катрина» в США в 2005 г.). В экстремальных ситуация, как это демонстрирует в своей книге Д. Даймонд, разрушение окружающей среды ведет к уничтожению всего общества [2].

Структура территориальной системы и взаимоотношений между природной и социальной субсистемами представлена на рисунке. В этих взаимоотношениях важную роль играет территориальный материально-энергетический

и информационный метаболизм — превращение полезной энергии (эксергии), сконцентрированной в природе, посредством современной человеческой деятельности в «мертвую» энергию (анергию), а также превращение материи (сырья) в товары и их последующая утилизация. Как видим, в ходе исторического развития человечества, его географической и технологической экспансии в окружающую среду энергетический и вещественный капитал природы сокращался, одновременно возрастала доля бесполезной энергии в виде тепловых, вещественных выбросов в планетарные сферы, роста материальных отходов, что влекло за собой деградацию практически всех глобальных экосистем. На сегодняшний день из недр Земли извлекается ежегодно более 135 млрд т сырья, из которых лишь 63 % непосредственно используется человеком [28]. В относительных показателях это более 19 т/чел. в год. Необходимо отметить, что добыча и потребление минеральных ресурсов постоянно растут, что отражает растущие потребности населения в новых энергоемких товарах и услугах. В период 1970–2015 гг. спрос на минеральное сырье вырос более чем в три раза. К 2050 г., по прогнозам исследователей, добыча невозобновимых ресурсов в мире может достичь 250–300 млрд т [26, *43*].

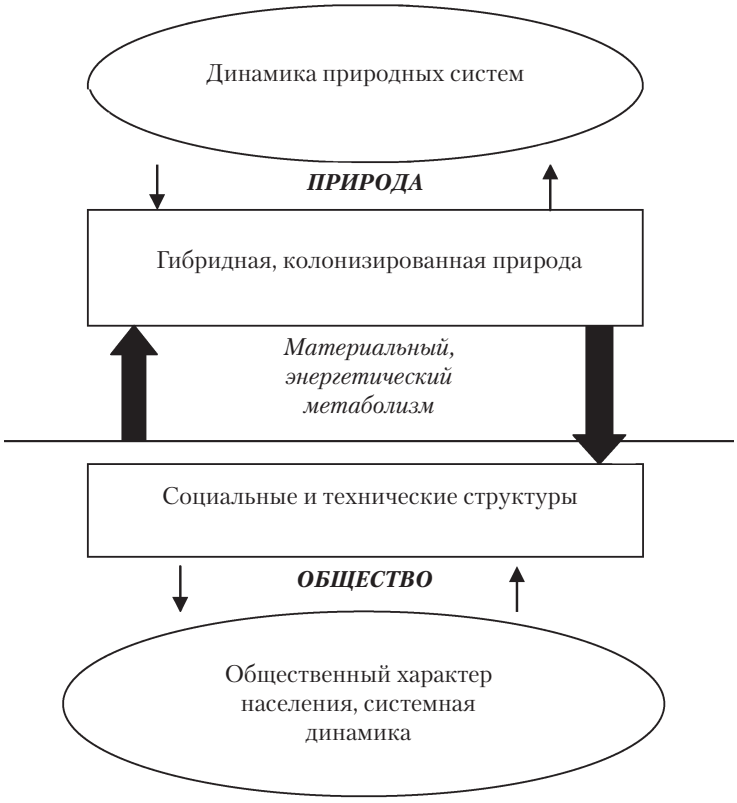

Рис. 1. Территориальная система (социоприродная система)

Источник: составлено авторами по [8, *38*]

В основе динамики территориальных систем находятся социальные действия территориальных акторов [8, *38*]. В свою очередь, социальные действия во многом определены доминирующим *общественным характером* территории, достигнутым уровнем производства и потребления, совершенствованием технологий, влияющих на природные системы территории. Господствующий в настоящее время в мире *рыночный (деляжнический) тип общественного характера человека* с его непоколебимой верой в потребительскую культуру, технологическую модернизацию, конкурентоспособность, личностную капиталоемкость (по П. Бурдьё) становится главным фактором дестабилизации природно-социальных отношений и разрушения территориальных систем. Изменение данного типа общественного характера человека и связанного с ним образа жизни населения является главным условием трансформации территориальных систем и их дальнейшей эволюции.

Пропагандируемый сегодня глобальными и региональными политическими структурами альтернативный переход к «зеленой экономике» и «зеленому образу жизни», то есть технологической трансформации территориальных систем, отодвигает, но не решает социально-экологические, политические проблемы. Установлено, что ресурсо- и энергоинтенсивная потребительская культура Запада не претерпела существенных изменений с момента провозглашения и реализации концепции устойчивого развития в середине 1990-х гг. Наоборот, например, в Великобритании потребление энергетических ресурсов выросло в период 1970–2005 гг. более чем на 30 %, число наличных электроприборов в домохозяйствах страны возросло с 1990 г. более чем в 10 раз; британцы в 2006 г. покупали в два раза больше одежды и обуви, чем в 1996 г. [33, *905, 908*]. Увеличились размеры их квартир, домов, автомобилей, количество и размеры бытовой техники. Все это сводит на нет внедрение экологических, энерго- и материалоэффективных, «зеленых» технологий (Rebound effect).

Интересным представляется пример динамики потребительской культуры Швеции, которая, как известно, является во многом пионером экологической модернизации в мире. Анализ потребления материальных ресурсов в абсолютных показателях в этой стране показывает их циклический рост в период 1990–2017 гг. на 45 млн т (со 120 до 165 млн т/год) [28]. Большая часть потребляемых материалов импортировалась в виде товаров из других стран мира. Потребление одежды, продовольствия, электроприборов, парфюмерии увеличилось в этой стране на порядок. Британский историк Ф. Трентманн в своей книге «Империя вещей» утверждает, что если в 1990 г. житель Стокгольма приобретал в среднем 6 кг одежды в год, то в 2011 г. — 19 кг (более чем трехкратный рост), покупка парфюмерии и косметики выросла в душевых показателях в 4 раза, электронных приборов — в 3 раза, мяса — на 25 % [33, *922*]. Успехи в утилизации бытовых отходов Швеции нивелируются их ростом. Так, в Стокгольме из производимых в год 480 кг/чел. отходов лишь 79 кг используются как вторичное сырье (17 %), остальные 401 кг/чел (или в абсолютных показателях более 300 тыс. т/год) депонируются [Там же, *904*].

Аутсорсинг производства из развитых стран, интернационализация торговли пространственно разрывают регионы потребления и производства, стимулируют

межрегиональный торговый обмен. Превращение Китая в глобальную производственную площадку, обеспечивающую весь мир разнообразными промышленными товарами, поставило страну в 2013 г. на грань экологической катастрофы [3]. Курсирующие между странами Азии (в основном Китаем) и Запада более 45 тыс. фрахтовых судов, обеспечивающих удовлетворение потребительского «голода» жителей развитых государств, ответственны за 870 млн т ежегодных эмиссий в атмосферу CO_2, 20 млн т оксида азота и более 15 млн т сернистых газов, что непосредственно влияет на изменение климата нашей планеты [29]. Дальнейшее развитие интернет-торговли, а в скором времени и интернет-вещей еще больше усилят глобальное потребление, а значит, и глобальную нагрузку на природные системы, что, в свою очередь, окажет дестабилизирующий эффект на социально-экономические и политические системы мира. Единственным выходом из данной ситуации является, по нашему мнению, создание новой культуры производства, потребления, жизни людей, фундамент которых образуют осознанные социальные действия, базирующиеся на любви и разуме (биофилии).

Биофилия и альтернативные пути территориального (регионального) развития

В начале 1970-х гг. Э. Фромм был убежден, что новый гуманизм, основанный на биофильной этике, мог быть сформулирован в следующих тезисах: «производство должно служить удовлетворению настоящих потребностей человека, а не целям экономики; должны быть созданы новые отношения между человеком и природой, которые основываются на кооперации, а не на эксплуатации; взаимный антагонизм должен быть заменен солидарностью; высшим приоритетом общественного развития должно стать благо человека и уменьшение его страданий; желательно разумное, а не максимальное потребление, которое содействует активному благу человека, заключающемуся в мотивировании его активного участия в общественной жизни» [20, *383*]. Фромм требовал активного участия каждого отдельного человека в социальных, экономических и политических процессах, открытие своей жизненности, а это предполагало «максимальную децентрализацию экономики и политики» [Там же, *401*]. Для активной общественной жизни, по Фромму, необходимо устранение материального неравенства и введение гарантированного, ежегодного минимального дохода для каждого человека, его «безусловное право не быть голодным и иметь крышу над головой» [Там же, *405*].

Кто бы мог стать носителем таких изменений в наполненном отчужденными людьми индустриальном мире? Фромм видел в негативном, по его мнению, рыночном типе общественного характера человека главного актора социальных перемен: «рыночному типу легче измениться, чем стяжательскому, который до последнего держится за свою собственность и особенно за свое собственное Я» [Там же, *412*]. Фромм наблюдал в конце 1960-х — начале 1970-х гг. огромные изменения в американском обществе, проводником которых был средний класс Америки, в его отличии от пассивного, мелкобуржуазного, консервативно-стяжательского рабочего класса США [24]. Однако в целом Э. Фромм оставался скептиком перспектив

реализации в ближайшем будущем его биофильной этики, нового гуманизма. По его мнению, «шансы изменения общества малы. Наша единственная надежда — дающая энергию сила, которая исходит из новой концепции» [20, *413*]. Только с помощью этой окрыляющей мотивации возможно трансформировать общество.

Видение Э. Фроммом динамики социального характера рыночного человека как главного фактора трансформации территориальных (общественных) систем подтверждают современные исследования. По оценкам немецко-австрийских исследователей Д. Егер, И. Оман и Ф. Хинтерберга, у 20–25 % населения США и Европы (так называемого cultural creatives) происходит в настоящее время трансформация ценностей [26, *65*]. Для них гармоничные социальные отношения, общинность, творческая самореализация, экология, мир и справедливость имеют более высокое значение, чем для большинства населения этих стран [Там же, *66*]. Обеспокоенность за судьбу собственного Я, близких людей, социального и природного окружения — главные мотивы их социальных действий. По Э. Фромму, характер этих людей имеет ярко выраженную биофильную ориентацию [16, *348*]. Часть из них пытается на деле создать настоящую экологическую, экономическую и социальную альтернативу доминирующему «некрофильно-неолиберальному» общественному дискурсу. Сотни тысяч возникших в мире локальных инициатив (социальных инноваций), идущих «снизу», демонстрируют возможность социальной жизни «по-другому» — осознанной, неотчужденной, аутентичной человеческой жизни в модусе кооперации и согласованного развития с социальными и природными системами. Для Э. Фромма такие принципы самоорганизации общества, основанные на кооперации, уважении и любви, находятся на более высокой ступени развития, чем рынкоориентированные социальные формы [10, *377*]. Можно перечислить лишь отдельные из этих форм:

1. Co-Housings, или кооперативные жилищные проекты (дома, квартиры), имеющие большое количество помещений общего пользования. Проектирование, управление, уход за помещениями полностью находятся в руках общины. Социальный и экологический аспекты жизни находятся в приоритете.

2. Энергетические товарищества. Создаются гражданами для независимого от энергоконцернов, децентрализованного производства и потребления электроэнергии. Как правило, большинство из них используют альтернативные источники энергии.

3. Food Coops (продовольственные кооперативы). Создаются жителями, которые устанавливают прямые партнерские отношения с производителями био- и экопродуктов, без торговых посредников.

4. Repaircafes (кафе по ремонту техники). Ремонт сломанных вещей осуществляется волонтерами на встречах и способствует устойчивому потреблению, сокращению роста отходов.

5. Urban Gardening (городское садоводство). Самая распространенная форма садоводческих товариществ, использующая под участки городские пустыри, крыши домов, клумбы и т. д. Городское садоводство сыграло главную роль в стабилизации социально-экономической обстановки в Детройте (США) после 2013 г., превратило его в «альтернативный рай США» [22].

6. Сети обмена (кружки обмена). Солидарная форма организации взаимообмена услугами, товарами внутри группы людей.

7. Экологические поселения. Довольно широко распространенная в мире форма пространственного объединения единомышленников, ведущих экологический стиль жизни, тяготеющих к альтернативным формам хозяйствования, социальной жизни и формам управления. Гармония с природой и людьми, самореализация жителей — главные цели экологических поселений.

8. Transition towns (транзитные города). Локальные объединения граждан и городских властей по стимулированию процессов перехода в постуглеводородную, региональную экономику. Движение было основано в британском городе Тотнес в 2005 г. В 2013 г. локальные проекты «транзишн таунс» осуществлялись в 43 странах мира. Они охватывают все вышеперечисленные инициативы, а также мероприятия по сокращению эмиссий CO_2 и бытовых отходов [25].

Перечисленные гражданские инициативы в рамках проектов устойчивости и коэволюции территориальных систем, создания альтернативной реальности пока еще не набрали достаточно «веса» для коренных изменений всей общественной жизни. Однако на примере отдельных стран (Дания, Германия, Швеция и т. д.) мы видим, что наличие данных проектов способствует частичному изменению общественного мнения, подталкивает региональные власти к проведению необходимых реформ и реализации отдельных экологических и социальных проектов (отказ от углеводородов в производстве электроэнергии, экологизация общественного транспорта, финансовая поддержка государством жилищных кооперативов и т. д.). Но насколько велики шансы трансформации менталитета людей и всей социальной системы, особенно в современной политической ситуации?

По мнению голландских исследователей Й. Ротманса и Д. Лоорбаха (Rotmans, Loorbach), создателей концепции «транзишн менеджмент», социальные инновации в области устойчивого развития имеют большой потенциал для распространения на другие общественные территориальные структуры. Исходя из отдельных гражданских инициатив, они могут получить широкое сетевое распространение по всему миру (например, проект Cittaslow, условно «медленный город», уже в 360 городах мира) или воздействовать непосредственно на трансформацию близлежащих локальных, региональных структур. Переход (транзишн), трансформация понимается исследователями как радикальное, структурное изменение социальной системы, как следствие коэволюции экономического, культурного, технологического, экологического и институционального развития на различных уровнях [32]. Это значит, что такая трансформация не имеет однозначно линейного движения «снизу вверх». Она должна быть комплексной, иметь поддержку в политической, экономической, институциональной системе города, региона, страны, мира. Лишь тогда возможен полный успех. Однако изменение мировоззрения, привычек людей — сложный и долгосрочный процесс. В постепенном перестраивании общественных нарративов развития, в распространении идей и альтернативных социальных практик, способствующих территориальной коэволюции и устойчивости, нам видится эффективный метод по стимулированию глубокой и целостной трансформации территориальных систем. Психологические

и социальные факторы находятся в диалектической взаимосвязи, общественный характер населения и социальные региональные структуры подвержены взаимному влиянию, а значит, изменению.

***

Э. Фромм видел в динамике развития общества определенную закономерность, которую он обозначил как эволюционный процесс. По его мнению, «процесс эволюции определяется мной как переход от рецептивной направленности, через эксплуататорскую, накопительскую и деляжническую, к направленности продуктивной» [7, *37*]. Продуктивная, биофильная ориентация должна стать, по его мнению, рано или поздно доминирующим общественным характером. Подтверждение своих размышлений о прогрессе сознания и характера человека он находит в ветхозаветных пророчествах [11]. По ним после изгнания из рая (выход из бессознательной жизни) человек имел возможность жить разумом и в любви, но этого не произошло. Отчуждение от других людей, от природы, эгоизм, вражда, озлобленность, почитание идолов (по Фромму, также государства, вождя, короля, капитала или техники) глубоко проникло в душу человека. Цель истории — нахождение новой гармонии между людьми, между человеком и природой [18, *258*]. Лишь пройдя весь круг испытаний, человек вновь обретет потерянную гармонию, но уже на новом этапе своего духовного развития, познав самого себя, свою суть, найдя мир и покой в своем сердце и со своим окружением [15]. Здесь Э. Фромм сам выступает в роли пророка. Как отмечает его биограф Л. Д. Фридман — в пророка человечности! Э. Фромм верит в разум человека и его естественную, природную способность любить, в его будущую победу над силами разрушения и смерти. Технологии (какого бы они «цвета» ни были), дигитализация и дематериализация жизни не приблизят человечество к этому идеалу. Лишь изменение общественного характера и образа жизни человека открывают перспективы для коэволюции природных и социальных систем, коэволюции и мирного существования всего человечества.

---

1. *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география: научная экспликация. СПб., 2010.

2. *Даймонд Д.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают? М., 2005.

3. *Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В.* Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация в Китае // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. Т. 13, № 2(176). 2018. С. 121–134.

4. *Котляков В. М., Комарова А. И.* География: понятия и термины. М., 2007.

5. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.

6. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.

7. *Фромм Э.* Дзен-буддизм и психоанализ. М., 1995.

8. *Brand K-W.* Das Konzept gesellschaftlicher Naturverhältnisse: Wie gesellschaften Umweltprobleme produzieren und damit umgehen // Die sozial-ökologische Transformation der Welt. Frankfurt a/M, 2017. P. 35–51.

9. *Flannery T.* Auf Gedeih und Verderb. Die Erde und wir. Geschichte und Zukunft einer besonderen Beziehung. Frankfurt a/M, 2011.

10. *Friedmann L. J. Schreiber A. M.* Erich Fromm: Die Biografie. Bern, 2013.

11. *Fromm E.* Die prophetische Auffasung vom Frieden (The Prophetik Concept of Peace 1960) // Erich Fromm Gesamtausgabe in zwölf Bänden. Bd. 6 : Religion. Stuttgart, 1999. P. 69.

12. *Fromm E.* Das Jüdische Gesetz: Dissertation (1922) // Erich Fromm Gesamtausgabe in zwölf Bänden. Bd. 11 : Politische Psychoanalyse. Stuttgart, 1999. P. 19–125.

13. *Fromm E.* Auf der Suche nach der humanistische Alternative (1968) // Ibid. P. 567–575.

14. *Fromm E.* Im Namen des Lebens. Ein Porträt im Gespräch mit Hans Jürgen Schulz (1974) // Ibid. P. 609.

15. *Fromm E.* Der Moderne Mensch und seine Zukunft (1961) // Ibid. P. 271–285.

16. *Fromm E.* Do we still Love Life? (1967) // Ibid. P. 346–349.

17. *Fromm E.* Credo eines Humanisten (1965) // Ibid. P. 593.

18. *Fromm E.* Mental Health in the Modern World (1953) // Ibid. Bd. 2 : Analytische Charaktertheorie. P. 269–417.

19. *Fromm E.* The Heart of Man. Its Genius for Good and Evil (1964). Die Seele des Menschen. Ihre Fähigkeit zum Guten und zum Bösen // Ibid. P. 159–269.

20. *Fromm E.* To Have or to Be? (1976) Haben oder sein? Die seelische Grundlagen einer neuen Gesellschaft // Ibid. P. 269–417.

21. *Fromm E.* The Sane Society (1955). Wege au seiner kranken Gesellschaft // Ibid. Bd. 4 : Gesellschaftstheorie. P. 1–255.

22. Gemüse statt Cadillac // Nature. 2015. № 6. P. 37.

23. Generation Mitte plagt grosse Sorgen // Stuttgarter Zeitung. 2018. 20. Sept. № 218.

24. *Hardeck J.* Erich Fromm. Leben und Werk. Darmstadt, 2005.

25. *Hopkins R.* Einfach. Jetzt. Machen! Wie wir unsere Zukunft selbst in die Hand nehmen. München, 2016.

26. *Jäger J., Omann I., Hinterberger F.* Was verträgt unsere Erde noch? // Mut zur Nachhaltigkeit. 12 Wege in die Zukunft. Frankfurt a/M, 2016.

27. *Laurent E.* Demokratisch, Gerecht, Nachhaltig. Die Perspektive der Sozial-ökologie. Bern, 2012.

28. MaterialfowsNet [Electronic resource]. URL: http://www.materialflows.net/materialflowsnet/data/data-download/ (accessed: 10.09.2018).

29. Mythos klimafreundliche Containerschiffe [Electronic resource]. URL: http://www.nabu.de (accessed: 18.09.2018).

30. *Powers K.* Americans are depressed and suicidal because something is wrong with our culture [Electronic resource]. URL: http://www.usatoday.com/story (accessed: 13.06.2018).

31. Rekordausgaben für das US Millitaer [Electronic resource]. URL: www.tageschau.de/ausland/trump-verteidigungshau (accessed: 14.08.2018).

32. *Rotmans J., Loorbach D.* The practice of transition management: Examples and lessons from four distinct cases // Future. 2010. № 42(3). P. 237–246.

33. *Trentmann F.* Empire of Things. How We Became a World of Consumers, from the Fifteenth Century to the Twenty-first. L., 2016.

Рукопись поступила в редакцию 8 октября 2018 г.